

ШАМАН

КРАСНОШТАНОВ АРТЕМ

Артем Красноштанов

Шаман

«Автор»

2026

Красноштанов А.

Шаман / А. Красноштанов — «Автор», 2026

Горы не просто молчат — они наблюдают. Древние дольмены — не просто камни, а резонирующие точки, способные вскрыть глубинные пласты человеческой психики. Андрей отправляется в это суровое путешествие ведомым. Его проводник — шаман с позывным Север. Для Андрея это шанс найти ответы, но внешнее восхождение быстро превращается во внутреннее. Здесь каждый артефакт, каждый перевал и каждый шаг — лишь триггер, обнажающий скрытые слои сознания. Под руководством Севера Андрею предстоит пройти через внешние атрибуты древних мест и спуститься в собственную ментальную бездну, где грань между реальностью и трансом стирается навсегда.

© Красноштанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Фантастический философско-эзотерический роман	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Артем Красноштанов

Шаман

Фантастический философско-эзотерический роман

«Философское исследование сознания в декорациях магического реализма».

Произведение представляет собой уникальный синтез эзотерической традиции и научной фантастики, где путь героя пролегает не столько через горные перевалы, сколько сквозь слои собственного "я", очищаемого резонансом древних святилищ.

© [Красноштанов Артем Александрович], 2026

Все права защищены. Текст произведения является объектом интеллектуальной собственности. Полное или частичное копирование, тиражирование или распространение без письменного согласия автора преследуется по закону (ст. 1250, 1252 ГК РФ).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это философско-эзотерический роман, где элементы научной фантастики служат не для развлечения, а для деконструкции привычного восприятия реальности.

В центре повествования — путь героев через сакральные ландшафты Кавказа (долины Жане и Пшады), однако внешнее путешествие здесь — лишь декорация внешнего контура для сложнейшего путешествия внутрь человеческого сознания.

Настоящее действие разворачивается в пространстве сознания, где древние дольмены предстают не мертвыми камнями, а высокотехнологичными резонаторами, способными перепрошивать биологический интерфейс человека.

Произведение балансирует на тонкой грани мистического реализма и квантовой мистики.

Это история о том, где заканчиваются формулы и начинается живое дыхание камня. Внешний ландшафт здесь — лишь проекция внутреннего поиска, а древние дольмены — терминалы доступа к исходному коду реальности.

Ярило-солнце спряталось за лесом,
Прохладный сумрак вышел из теней.
Тропою вышел на опушку леса —
Шаман, незримый стражник Родины своей.

В руках — обтянутый корой почтенный бубен,
В очах — отблеск неведомых миров.
Он знает: этот час для Мидгарда так труден,
Когда из бездны рвётся легион врагов.

Взглянул на юг, где спят в горах дольмены —
Седые стражи выжженных высот.
Там камни помнят древние измены
И силы той, что в их утробах бьёт.

Ударил в бубен — гул пошёл по склонам,
Очнулись плиты в предрассветной мгле.
По старым руслам, по крутым каньонам
Поплыл ответный рокот по земле.

Сквозь узкие глазницы древних келий
Поток энергий вырвался во тьму.
Дольмены встали в ряд из параллелей,
Послушные призыву и ему.

Тьма отступила, в скалы разбиваясь,
Бессильна против каменной брони.
Шаман стоял, безмолвно улыбаясь,
Храня Кавказа вечные огни.

Глава 1: Стена и порог

Долгие месяцы Андрей жил в состоянии странного разлада. Его острый, тренированный ум дисциплинированно поглощал тома археологических отчетов, схем и монографий. Он честно пытался принять официальную версию: дольмены — это лишь гробницы, культовые склепы вождей бронзового века, плод титанического, но примитивного труда.

Он заучивал классификации: плиточные, корытообразные, монолиты. Он вглядывался в чертежи, пытаясь убедить себя, что сухая логика историков — это и есть истина. Но каждый раз, когда он закрывал очередной справочник, внутри шевелилось глухое, необъяснимое сопротивление. Внутреннее чувство, не имеющее пока названия, не давало ему покоя.

Его интуиция восставала против этой упрощенной картины мира. «Не сходится», — шептал внутренний голос. Слишком много точности для простых могил, слишком сложная акустика для грубых племен. Он чувствовал, что за этими камнями стоит не смерть, а некая забытая технология жизни, которую невозможно измерить штангенциркулем. Это было похоже на попытку изучить компьютер, рассматривая его только как тяжелый кирпич для колки орехов.

Именно в этот момент духовного тупика, когда старая картина мира уже треснула, а новая еще не родилась, ему в руки попала очередная книга.

Андрей с сухим щелчком захлопнул тяжелый переплет. «Погребальные сооружения эпохи бронзы». На полях остались лишь засушенные цифры: диаметры отверстий, химический состав песчаника, датировки по радиоуглеродному анализу. Но за этим частоколом фактов зияла пустота. Историки описывали что, но никто не давал ответа на главный вопрос: зачем? Зачем древние тратили десятилетия, высекая многотонные камеры в монолитных скалах?

Ответ пришел не из академической библиотеки, а со страниц старой книги Александра Иванченко «Волконский дольмен – интуитивные способы познания». Текст дышал иначе. Он не предлагал заучивать даты, он предлагал вспомнить. Андрей осознал: история — это не архив пыльных свитков, а живая генетическая память, заархивированная в самой структуре вещества, в неуловимом резонансе древних камней.

Рюкзак был собран за полчаса. Путь лежал к маленькому поселку, туда, где в тенистом ущелье притаился исполин — единственный в мире полноразмерный монолит, высеченный прямо внутри огромной скалы.

Андрей свернул с шумной трассы, и гул цивилизации мгновенно поглотила изумрудная пасть Волконского ущелья. Здесь, под сводами древнего леса, кавказское лето сменило гнев на милость: раскаленный асфальт остался позади, уступив место влажной прохладе, пахнущей мхом, прелой листвой и ледяной водой горного ручья Годлих.

Тропинка, усыпанная мелким серым сланцем, петляла между исполинскими буками и грабами, чьи корни, словно лапы мифических существ, впивались в каменистую почву. Воздух здесь был особенным — густым, наслоенным ароматами. Сначала в ноздри ударил сладковатый, дурмящий запах цветущего каштана, затем его сменила резкая, бодрящая нота дикой мяты, растущей у самой кромки воды.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь плотный шатер листвы, дробились на тысячи золотых осколков, которые медленно плавали в воздухе вместе с пылью и легкими мошками. Андрей чувствовал, как с каждым шагом тяжесть в груди, накопленная в пыльных библиотеках, растворяется. Сланцевая крошка хрустела под ботинками, а где-то высоко в кронах перекликались птицы, чьи резкие крики эхом отскакивали от отвесных скальных стен ущелья.

Справа по дну лощины бежал ручей. Его несмолкаемое журчание накладывалось на шелест листвы, создавая естественный белый шум, который усыплял логику и пробуждал древние инстинкты. Камни в русле были гладкими, как кость, и сквозь кристальную воду виднелся каждый прожилок на донных окатках.

Чем глубже он уходил в ущелье, тем выше становились скалы, с которых свисали косы вечнозеленого плюща и нежные вайи папоротника-венерина волоса. Влага конденсировалась на лице мельчайшей пылью, даря блаженное облегчение после полуденного зноя. Здесь время словно замедлило свой бег, подстраиваясь под неспешный ритм растущего дерева.

И вот, за очередным поворотом, лес расступился, обнажая Его. Громада Волконского монолита выросла из земли внезапно, подавляя своей неподвижной, вековой мощью.

Лес вокруг дольмена не молчал — он вибрировал многоголосым хором, который в сознании Андрея внезапно начал складываться в сложную партитуру. Сверху, из плотных крон леса, доносился сухой, мерный треск цикад, напоминающий работу крошечных реле. Этот высокочастотный фон прошивали резкие, флейтовые вскрики соек и глухое воркованье диких голубей, затерянных в переплетении ветвей. Внизу, у самых ног, шуршала сухая листва под лапками невидимых ящериц, а ручей Годлих добавлял в этот ансамбль низкое, утробное бульканье, перекачивая гальку в своих неглубоких заводях.

Андрей сделал последний шаг и оказался вплотную к исполину.

Он протянул руку, и кончики пальцев первыми коснулись поверхности Волконского монолита. Ощущение было сбивающим с толку: песчаник, веками впитывавший влагу ущелья и редкие лучи солнца, не был холодным. От него исходило едва уловимое, ровное тепло, словно камень обладал собственной системой кровообращения.

Кожа ощутила сложный рельеф: зернистую структуру кварцевых вкраплений, бархатистость изумрудного мха, который тонкими прожилками впивался в микротрещины, и глубокие, почти хирургически точные борозды, оставленные древними мастерами. Андрей прижал всю ладонь к шершавому боку скалы. Под кожей началось странное покалывание, похожее на слабый ток или вибрацию работающего трансформатора.

Это не было просто прикосновение к неживой материи. Камень казался плотным, как застывшее время. Через ладони в предплечья, а затем и в самую грудную клетку начал вливаться покой — тяжелый, надежный, лишенный всякой суеты. Шершавая поверхность песчаника будто «всасывала» мелкую дрожь его пальцев, успокаивая пульс и выравнивая дыхание.

Логика отступила окончательно. Андрей закрыл глаза, и граница между его кожей и древним монолитом начала стираться.

Вместо привычного роя мыслей навалилось состояние — плотное, вибрирующее, почти физически ощутимое. Это был гул на самой грани слышимости, будто глубоко под ногами ворочался огромный спящий зверь. Андрей кожей почувствовал, как дольмен работает: эта гигантская каменная линза медленно и неуклонно фокусировала невидимые токи Мидгарда.

Пространство вокруг очищалось. Информационный мусор — суета мегаполиса, обрывки чужих фраз, тревоги о будущем — вымывались этим мощным резонансом, оставляя лишь

кристальную прозрачность восприятия. Он стоял у входа в камеру, и впервые в жизни тишина была для него не отсутствием звука, а присутствием чего-то бесконечно большего.

Глава 2: Встреча с Севером

Андрей сидел на валуне, пытаясь унять дрожь в пальцах, когда из тени вековых деревьев бесшумно вышел человек. Он не шел — он словно перемещался в пространстве, экономя каждое микродвижение, как хищник на охоте.

Мужчина выглядел примерно на сорок лет. Он был атлетичного сложения, чья фигура под черной облегающей футболкой выдавала годы функциональных тренировок, а не праздного фитнеса. Короткая стрижка-ёжик открывала волевой лоб и резкие черты лица.

Но больше всего поражал его взгляд. Глаза — холодные, серо-стальные — казались лишенными привычных человеческих эмоций. Это был взгляд оператора сложной системы, который видит не внешнюю оболочку, а внутренние процессы и скрытые векторы. В нем не было агрессии, только пугающая, запредельная внимательность.

— Ты выглядишь так, будто только что увидел привидение, — его голос был ровным и сухим. — Но на самом деле ты просто впервые за тридцать лет увидел реальность без очков.

Он подошел ближе и остановился, не нарушая личного пространства Андрея, но заполняя собой всё внимание.

— Ты растерян, потому что твои учебники здесь не работают. Они и не могут работать. Ты пытался познать море, глядя на его фотографию в пустыне. Всё, что тебе рассказывали о мире — это лишь набор удобных описаний, чтобы ты был предсказуем.

Мужчина кивнул на дольмен:

— Этот монолит — не «памятник архитектуры». Это инструмент. Но чтобы он зазвучал, ты сам должен перестать быть фальшивой нотой. Перестань анализировать. Перестань пытаться «понять» мозгом то, что нужно чувствовать костями. Твой страх сейчас — это просто шум старой программы, которая боится удаления.

Он замолчал, и в этой паузе Андрей вдруг понял, что взгляд незнакомца — не просто смотрит, он очищает пространство вокруг себя от всего лишнего.

Андрей сглотнул сухую горечь в горле. Голос подвел его, прозвучав хрипло и неуверенно:

— Кто ты такой?.. И что... что сейчас со мной происходит? У меня такое чувство, будто я схожу с ума или у меня резко упало давление. Руки гудят, в голове какой-то шум...

Незнакомец не шелохнулся. Он стоял, заложив большие пальцы за лямки своего странного рюкзака, и смотрел на Андрея с тем самым невозмутимым спокойствием, с каким смотрят на приборную панель.

— Зови меня Север, — ответил он ровно. — Считаю, что я странник реальности. А с тобой происходит обычный когнитивный шок. Твой мозг столкнулся с физическим явлением, которое не вписывается в твою внутреннюю библиотеку.

Он сделал шаг ближе, и Андрей почувствовал, как от этого человека веет уверенной, почти животной силой.

— Послушай, никакой магии здесь нет. Дольмен — это линза из кварцевого песчаника. Кварц обладает пьезоэлектрическими свойствами. Под давлением пластов земли он генерирует слабые токи и определенную частоту. Ты сейчас коснулся резонатора, который настроен на ритмы Земли, на так называемые волны Шумана. Твое тело — это тоже электрическая цепь. Сердце, мозг, нервные импульсы — всё это частоты.

Север на мгновение замолчал, глядя в расширенные зрачки Андрея.

— Твоя проблема в том, что ты всю жизнь жил в «шуме». Города, гаджеты, бесконечные мысли о завтрашнем дне — всё это создало в твоём сознании хаотичный электромагнитный фон. Ты привык к этому дребезжанию и называешь его «нормальным состоянием». А сейчас ты

приложил руки к эталону. Этот монолит транслирует чистый, стабильный сигнал. Произошла синхронизация. Твои биологические ритмы попытались подстроиться под ритм камня.

Он едва заметно усмехнулся, заметив, как Андрей непроизвольно посмотрел на свои ладони.

— Твой «гул» в руках — это просто расширение сосудов и изменение проводимости кожи. Твой шум в голове — это попытка мозга отфильтровать непривычно чистый сигнал. Ты не сходишь с ума. Ты просто впервые за долгое время выключил радиопомехи в собственной черепной коробке и услышал базовую частоту планеты.

Север снова стал серьезным.

— Но твой интеллект боится этой тишины. Он привык цепляться за определения из учебников, потому что определения дают иллюзию контроля. А здесь контроля нет. Здесь есть только резонанс. Ты либо входишь в него, либо продолжаешь фонить своим страхом, пока у тебя не разболится голова.

Север молча указал на плоский серый камень у подножия монолита. Андрей сел, чувствуя, как прохлада камня проникает сквозь джинсы. Мужчина в черной футболке встал напротив, сложив руки на груди. В его фигуре не было торжественности, только функциональная готовность.

— Твоя главная проблема, Андрей, в том, что ты постоянно «звучишь», — голос Севера был ровным, без тени поучения. — Твой ум — это включенный на полную мощность приемник, который ловит сотни станций одновременно: обрывки планов, страхи, вчерашние споры, цитаты из книг. Ты создаешь вокруг себя кокон из ментального шума. И пока ты звучишь, ты не слышишь трансляцию реальности.

Север сделал глубокий вдох, его широкая грудная клетка на секунду замерла.

— Сейчас мы будем учиться быть чистым листом. Смотри на меня. Не на лицо, не в глаза — смотри на пространство вокруг.

Андрей попытался сфокусироваться, но мысли привычно заскакали: «Как это сделать? Что он имеет в виду? Долго ли мы здесь пробудем?».

— Стоп, — оборвал его Север, словно прочитав бегущую строку на лбу. — Перестань называть вещи. Как только ты говоришь себе: «это дерево», «это птица», «это дольмен» — ты перестаешь их видеть. Ты видишь ярлык, файл в своей голове. А нам нужна сама суть. Представь, что ты — это просто объектив камеры. Камера не рассуждает, она просто пропускает свет.

Он подошел ближе, его стальной взгляд стал еще более пронзительным.

— Слушай тишину между звуками. Не крик птицы, а ту паузу, из которой этот крик рождается. Не шум ручья, а ту неподвижность, на фоне которой он течет. Стань пустым стаканом. Если стакан полон грязной воды твоих размышлений, в него нельзя налить чистую воду момента.

Андрей закрыл глаза. Сначала в ушах стоял гул, сердце билось часто. Но постепенно, под мерный, гипнотический ритм голоса Севера, он начал чувствовать, как слой за слоем осыпается его «социальная кожа».

— Представь, что твои мысли — это облака, — продолжал Север. — Не пытайся их разогнать, просто не цепляйся за них. Пусть плывут мимо. Ты — не облака. Ты — небо, в котором они растворяются. Будь прозрачным. Если в тебя попадет камень чужого слова или страха, он должен пролететь насквозь, не встретив сопротивления.

Мир вокруг начал меняться. Звуки леса не исчезли, но они перестали быть отдельными событиями. Они слились в единое полотно. Андрей вдруг почувствовал странное облегчение в затылке, будто там выключили назойливый вентилятор.

— Вот, — почти шепотом произнес Север. — Сейчас ты не «Андрей, исследователь дольменов». Сейчас ты — точка восприятия. Чистая функция наблюдения. Только из этого состояния можно по-настоящему коснуться камня и не обжечься его силой.

Север на мгновение замолчал, наблюдая, как Андрей пытается удержать обретенную хрупкую тишину. Парень сидел неподвижно, но по напряженным жилам на шее было видно, какой колоссальный внутренний ресурс он тратит на то, чтобы не сорваться обратно в привычный хаос мыслей.

— Расслабь плечи, — негромко произнес Север, подходя ближе. — Ты сейчас пытаешься удержать состояние волей, как будто сжимаешь в кулаке песок. Чем сильнее жмешь, тем быстрее он высыпается.

Он сел на корточки напротив Андрея, его стальной взгляд стал чуть мягче, приобретая оттенок наставнической выдержки.

— Послушай, Андрей. На всё нужно время. Твоя нервная система тридцать лет работала на износ в режиме постоянного приема помех. Ты не можешь перепрощить свой биологический компьютер за один вечер. То, что ты сейчас чувствуешь — эту прозрачность и гул — это лишь первый контакт. Твой мозг пытается адаптироваться к новой пропускной способности, и ему нужно время, чтобы это состояние стало для него не «шоком», а новой нормой.

Север поднял с земли сухую веточку и черкнул ею по серому сланцу.

— Твоя единственная задача сейчас — не «понять», а сохранить. Не пытайся анализировать это состояние, не пытайся дать ему определение или записать в блокнот. Как только ты начнешь подбирать слова, ты вылетишь из резонанса. Просто фиксируй это чувство в теле. Запоминай этот вкус тишины, как запоминают запах родного дома.

Он внимательно посмотрел Андрею в глаза.

— Когда ты вернешься в город, к шуму машин и чужим голосам, это состояние начнет тускнеть. Система будет пытаться «заземлить» тебя обратно, вернуть в стойло предсказуемых реакций. Твоя работа — возвращаться к этой внутренней точке покоя снова и снова. Как тренируют мышцу, так тренируют и присутствие.

Север выпрямился, его фигура в черной футболке снова стала монолитной и непроницаемой.

— Время — это твой фильтр. Если ты сможешь пронести эту тишину через завтрашний день, через неделю, через месяц — значит, ты проснулся по-настоящему. А пока — просто будь. Не торопись делать выводы. Истина не любит суеты, она открывается только тем, кто умеет ждать, не ожидая ничего конкретного.

Андрей почувствовал, как напряжение в затылке сменилось мягким теплом. Слова Севера не были теорией — они были инструкцией по выживанию в новом мире.

Андрей поднялся с валуна, чувствуя непривычную легкость во всем теле, словно с его плеч сняли невидимый груз прожитых лет и лишних мыслей. Он поправил лямки рюкзака, но прежде чем сделать шаг в сторону тропинки, ведущей обратно к цивилизации, обернулся. Север стоял неподвижно, его черная футболка почти сливалась с густой тенью ущелья, а стальной взгляд был устремлен куда-то поверх деревьев.

— Когда мы увидимся снова? — спросил Андрей, и его собственный голос показался ему чужим — более низким и спокойным, чем обычно. — Где мне тебя искать, если я... если я начну терять это состояние?

Север не сразу ответил. Он медленно перевел взгляд на Андрея, и в этом движении не было суеты, только бесконечное терпение человека, который знает ритмы самой вечности.

— Не ищи меня глазами и не надейся на расписание, — ровно произнес он. — В мире, где всё подчинено графикам, истинные встречи происходят по резонансу. Когда твой «внутренний дольмен» очистится от шума настолько, что ты сможешь транслировать тишину, а не просить её у камня — ты сам почувствуешь, когда придет время.

Он едва заметно кивнул, словно подтверждая какую-то свою внутреннюю мысль.

— Твоя интуиция, которую ты так долго подавлял учебниками, станет твоим навигатором. Ты не просто поймешь, где меня искать — ты безошибочно выйдешь в ту точку пространства, где я буду находиться в тот момент. Это не магия, Андрей, это математика совпадающих частот. Если мы звучим в унисон, пространство между нами схлопывается.

Север сделал шаг назад, глубже в тень, и его фигура начала терять четкие контуры в предзакатном сумраке ущелья.

— Иди. Сохраняй тишину. Когда ты будешь готов к следующему уроку, мир сам подтолкнет тебя в нужную сторону. Ты просто узнаешь это место. По запаху ветра, по дрожи в пальцах, по внезапному молчанию птиц. Время — это иллюзия для тех, кто спит. Для проснувшихся есть только готовность.

Андрей еще мгновение смотрел в ту сторону, где только что стоял Север, но там была лишь темно-зеленая стена плюща и вековой песчаник монолита. Он развернулся и пошел по тропинке, чувствуя, как каждый его шаг теперь синхронизирован с биением сердца самой земли.

Глава 3: Река Жане и Голос Предков

Сумерки в долине Жане сгустились до цвета крепкого черничного чая. Андрей сидел у вросшего в землю дольмена, чувствуя, как прохлада камня медленно просачивается сквозь одежду. Запахи окружающей растительности, тишина, извлекали из его памяти образы прошлогодней встречи с Севером. Внезапный шорох шагов по мягкому мху заставил его обернуться.

Из тени дубовой рощи вышли две женщины. Та, что шла впереди — в светлом льняном платье, с лицом, словно высеченным из слоновой кости, — остановилась в пяти шагах. Андрей почувствовал странное состояние, как будто соприкоснулся с чем-то давно знакомым, забытым. Он поднялся с камня. Женщина смотрела на Андрея, но как будто через него, словно он не был преградой. Её взгляд, глубокий и влажный, казался одновременно древним и детским.

— Дбшао си пре не́го што је изгрејала прва звéзда (ты пришел раньше, чем взошла первая звезда), — негромко произнесла она на сербском. Переводчица, стоявшая чуть позади, быстро и невыразительно прошептала перевод.

Андрей поднялся, ощущая странный трепет в груди — не страх, а предчувствие важного события.

— Я просто искал тишину, — ответил он, стараясь сохранить ровное дыхание. — Но это место... оно словно позвало меня.

Милица – так ее звали, едва заметно улыбнулась, и этот жест придал её строгому лицу мягкость. Она сделала шаг навстречу, коснувшись ладонью шершавой поверхности дольмена.

— Ово мéсто не збóв свáкога. (Это место зовет не каждого), — произнесла она, и её голос прозвучал в унисон с шелестом листвы.

Милица подошла ближе. От неё пахло сухими травами и грозовым небом. Она внимательно всматривалась в лицо Андрея, словно читала невидимую карту его морщин и теней под глазами.

— Ово мэ е мéсто приву́кло баш у бвай час (меня притянуло сюда именно в этот час), — она мягко коснулась ладонью воздуха между ними, будто проверяя его плотность. — Била сам на дру́гой обали ре́кэ, намэравала сам да бдэм. Али вáздух е бдедном пóстао густ и сла́дак као мэд. То е твой при́зив, момчэ. Тво́я спрэ́мност е нáтэра́ла бвай прóстор да ви́брира. Сэ́дэо си бвдэ и ћу́тао си та́ко гла́сно да су тэ пла́нинэ чу́лэ (я была на другом берегу реки, собиралась уходить. Но воздух вдруг стал густым и сладким, как мед. Это твой запрос, парень. Твоя готовность заставила это пространство вибрировать. Ты сидел здесь и молчал так громко, что горы услышали).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.